

ФАНТАСТИКА
Альтернативная история

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ШВЕЙЦАРЕЦ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Швейцарец / Роман Злотников. — Москва :
Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096824-4

Первый роман нового цикла Романа Злотникова! Новый подход к жанру альтернативной истории. ...Алекс не горевал о развале СССР и никогда не мечтал помочь Сталину разбить Гитлера малой кровью. У него были простые желания: жить в Европе и стать действительным членом международного байкерского клуба «Ангелы Ада». Казалось бы, мечты начали сбываться. Алекс работал в австрийской компании. Да и с байкерами все нормально складывалось. Вот только об одном не подозревал Алекс — что веселая поездка в Швейцарию обернется путешествием во времени и невеселыми последствиями для человечества...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096824-4

© Злотников Р.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Маленькое обращение к читателям

Дорогие друзья! Это книга для меня немного необычна. Прежние мои циклы альтернативной истории отличались тем, что их герои еще до попадания успевали стать сильными и сложными людьми. Они еще до начала книги смогли многого добиться в своей жизни, доказали себе и окружающим, что у них достаточно решительности и способностей, чтобы отвоевать «под солнцем» достаточно значимое место. Герой же этой книги совсем не такой. Прямо скажем, он и не герой даже... Обычный парень, из тех, кто, как говорится в известной русской пословице, «ищет, где лучше». Не дурак, не лентяй, но ничего особенного. Большая часть достигнутых успехов (а они у него, конечно, есть, как, естественно, и у любого из нас) скорее результат не его собственных усилий, а сложившихся обстоятельств и давления внешней среды. То есть обычный простой человек. Но — имеющий потенциал постепенно, потихоньку развиваться в человека сложного, человека, способного взять свою жизнь в собственные руки.

Нет, в первой книге этого еще не произойдет, хотя и в ней он уже продвинется в этом направлении довольно далеко, но история точно не закончится одной книгой. Да и, скорее всего, второй тоже. Так что у нас с вами впереди еще много интересного.

И еще — я писал эту книгу, очень надеюсь, что кто-то из вас, читателей, сможет увидеть в этом герое себя. И это побудит как-то переосмыслить свою собственную жизнь. Начать тоже выстраивать ее так, чтобы рано или поздно также стать сложным человеком. А такие люди нужны. Нужны стране, нужны миру, нужны Вселенной. Я глубоко убежден, что именно для этого Бог, Природа или там Всемирный разум и создали человека. И именно это имелось в виду, когда писалось, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Потому что человек не рождается и не вырастает «по образу и подобию» сам по себе, как трава или деревья. То есть упало «семечко» и через положенный срок — оп! и вот оно — по образу и подобию. Нет. Это не так. Но, и я в этом убежден, шанс стать таким есть. У всех нас. У любого.

Автор

ПРОЛОГ

— О боже! — Фрау Микловски, первой выпорхнувшая на террасу, заполошно всплеснула полноватыми, но довольно изящно очерченными ручками и сразу после этого картинно прижала ладони ко рту. Впрочем, со стороны все смотрелось вполне естественно. Потому что картина, открывшаяся ее очаровательным глазкам, была из серии настоящих триллеров. Хотя ожидать чего-то иного после тех звуков, которые сдернули всех из-за стола и заставили броситься на улицу, не приходилось.

— Ну конечно! Кто бы это еще мог быть, если не Дитрих фон Белов с приятелями! — Герр Микловски, появившийся рядом с супругой всего лишь с секундным запозданием, нахмурил брови и неодобрительно покачал головой: — Похоже, к Волге ехали. На пляж. Или в клуб, в Саратау, на тот берег... — после чего повернулся к своему, как Алекс успел понять еще час назад, вечному оппоненту и, наставительно воздев палец, произнес: — А я всегда говорил, что фрау фон Белов слишком балует своего отпрыска. И что это точно до добра не доведет. Вот и результат!

— При чем тут младший фон Белов? Я тоже всегда говорил, что за маленькими детьми надо следить, — сурово отрубил герр Штольц. После чего продолжил, уже этак презрительно: — Хотя о чем это я? Эти славяне и тартары за собственной задницей не способны проследить как следует. Все время приходится направлять и контролировать. Вот уж действительно низшая раса...

— Вот опять вы за свое, Клаус, — тут же вскинулся Микловски, с охотой втягиваясь в очередной такт привычного обоим нескончаемого спора. — Будьте же благоразумнее! Ваши дремучие взгляды могут подвигнуть нашего гостя из самого сердца Райха посчитать, что здесь, далеко на востоке нашей великой страны, людям до сих пор неизвестны новые, прогрессивные взгляды профессора кафедры антропологии Нюрнбергского университета герра Шнайдера, которые он изложил в своей работе «Новый взгляд на особенности генофонда туземных народов восточных окраин...».

Но вышеупомянутому «гостю из самого сердца Райха» сейчас было вовсе не до чьих-либо «дремучих взглядов». Потому что в данный момент он изо всех сил пытался справиться с подкатившей к горлу тошнотой, являвшейся результатом того, что его взгляд намертво прикипел к детскому тельцу, бесформенной кровавой кучкой замершему у подножия мачты уличного освещения, расположенной всего в десятке метров от той террасы, на которую они все выскочили. То, что это лежит именно ребенок, можно было понять по небольшим общим разме-

рам... м-м-м... получившейся кучки, а также по паре худеньких детских ножек, торчащих из-под рваного подола короткого платица, набухшего кровью. По какому-то странному выверту они, в отличие от остального тельца, почти не пострадали при ударе... Ножки были одеты в трогательные белые носочки и лакированные красные сандалики. Вернее, в сандалик была обута только правая ножка, а левая, на вид практически целая, но вывернутая в коленке под неестественным углом, оказалась босой. Слетевший с нее сандалик валялся чуть дальше, сразу за мачтой освещения, на нижней части которой расплывалось огромное кровавое пятно, явственно свидетельствующее о том, что маленькая жертва аварии окончательно и бесповоротно мертва. Ибо даже взрослому человеку после потери подобного объема крови выжить было бы очень проблематично, а уж ребенку...

— Позвольте вам заметить, — между тем продолжал горячиться Микловски, — что в наше время следовать воззрениям времен Великого фюрера могут только абсолютные ретрограды и глупцы. Сейчас как-никак двадцать первый век на дворе. Нет, я не спорю — во время Великой войны Райх был со всех сторон окружен врагами, так что подобное жесткое отношение в те времена было вполне оправданным. Но сейчас, во время гуманности и международной разрядки напряженности, когда гегемония Райха в Евразии и Африке уже десятилетия никем не оспаривается, подобный подход...

— Да чушь городите! — ревел в ответ Штольц. — Как может устареть то, что однозначно и неизменно

верно? И не тыкайте мне в лицо этой вашей гуманностью и разрядкой. Гегемония Райха сильна именно потому, что мы никому не позволяем...

Алекс наконец-то с трудом сумел оторвать взгляд от лежащего на асфальте детского тельца, после чего угрюмо покосился на этих «токующих тетеревов». Черт, у них вообще есть хоть какие-то понятия о приличиях? Тут в конце концов только что ребенок погиб, а эти... Но, несмотря на прозвучавшую в начале данного такта их бесконечной дискуссии апелляцию к «гостю», Штольц и Микловски даже не заметили его неодобрительного взгляда, продолжая привычно ругаться друг с другом. Причем, судя по тому, что слышал Алекс, к настоящему моменту этот спор ушел очень далеко в сторону от произошедшей здесь трагедии, перейдя в, похоже, куда более интересные для обоих оппонентов области расовых теорий и их соответствия последним исследованиям в биологии и генетике... Ему захотелось грубо оборвать их столь неуместный, на его взгляд, в данной ситуации спор. И Алекс уже совсем было собрался с духом, дабы действительно сделать это — как вдруг на улице появилось новое действующее лицо...

— Ы-ы-ы-ы-ммм... — Вылетевшая из-за угла высокая, черноволосая и статная, но при этом крайне растрепанная женщина, одетая в длинное платье, украшенное кружевным воротничком, гармонирующим с накрахмаленным кружевным передником, и в столь же накрахмаленной кружевной наколке на волосах, сейчас съехавшей на левое ухо, на мгновение замерла, уставившись неверящим взглядом на

детское тельце, а затем издала придушенный стон и со всех ног бросилась к мертвой девочке... Подбежав вплотную, женщина упала на колени и обеими руками буквально сгребла с асфальта то, что осталось от ребенка, прижимая весь этот окровавленный ужас к груди и никак не реагируя на то, что из-за ее судорожного движения от трупа отвалились какие-то куски и упали обратно на асфальт. Алекса еще сильнее замутило, и он торопливо отвел взгляд, опасаясь, что не выдержит и сблует...

Вокруг было удивительно малоллюдно. Нет, люди имелись — на тротуарах, террасах соседних домов, а кое-кто маячил в открытых по случаю жары окнах. Но общая реакция разительно отличалась от той, которую, по идее, можно было бы ожидать. Никто из наблюдавших и не подумал подойти поближе к месту происшествия, чтобы, например, предложить помощь, «наехать» на виновников, которые торчали метрах в двадцати дальше, рядом с Porsche с разбитым и заляпанным кровью бампером, или хотя бы просто, блин, заснять все получше на смартфон, чтобы сразу же запостить... Нет! Все просто смотрели на происходящее, оставаясь на местах и негромко переговариваясь друг с другом. Как будто они находились в театре, а то, что происходило, было неким спектаклем, причем неинтересным и скучным... А кое-кто уже вообще развернулся и равнодушно двинулся прочь. Подобная реакция внезапно заставила Алекса вновь и очень остро почувствовать нереальность происходящего и собственную чуждость по отношению к этому миру и этому времени.

И вздрогнуть от этого осознания... О господи! Как же... ВСЕ! НЕ! ТАК!

Между тем женщина в одежде горничной стиснула окровавленное детское тело в объятиях, не обратив никакого внимания на то, что из-за этого она сама полностью изгвазилась в крови, и, прижав его к груди, тонко даже не заплакала, а завывала, принявшись раскачиваться вперед-назад. И вот это уже вызвало некоторую реакцию. Спорщики за спиной осеклись и замолчали. А трое молодых людей, стоявших у разбитого Porsche, вообще слегка подались назад и как-то... поежились, что ли...

— Хм, а бампер-то они себе разнесли знатно... — задумчиво произнес герр Штольц спустя несколько секунд тяжелого молчания. — Ремонт не меньше чем на двести марок потянет.

— Какое двести, — тут же привычно не согласился Микловски. — Все триста пятьдесят!

Алекс судорожно сглотнул подступивший к горлу ком и, резко развернувшись, гневно искривил губы, собираясь разразиться гневным возгласом. Но его опередила фрау Микловски.

— О чем вы говорите?! Ведь ребенок погиб! Как вы можете...

— Хм, да, дорогая, прости. Конечно, это очень, очень печально, — несколько смущенно закивал ее муж, — но должен тебе заметить, что... — Однако что именно собирался заметить Микловски, окружающим узнать так и не удалось. Потому что в этот момент на «сцене» появилось еще несколько действующих лиц.

Во-первых, наконец-то подъехала полиция. Без сирены, но с мигалками. Старенький серый Opel с зеленой полосой вдоль корпуса и надписью Polizei припарковался метрах в десяти от Porsche, и из него неторопливо выбралась парочка полицейских в черных мундирах. И во-вторых, почти сразу же после полиции к месту происшествия подкатил открытый кабриолет Mercedes задорно-вишневого цвета, управляемый ухоженной дамой средних лет, одетой строго, но весьма дорого.

— Вот и фрау фон Белов прикатила, — удовлетворенно произнес Микловски. — Ну сейчас младшенькому достанется на орехи.

— Не понимаю, как можно радоваться тому, что юношу с арийской кровью унижат в присутствии унтерменшей, — тут же отозвался Штольц.

— А я считаю, что справедливое воздаяние виновному не только не может никого унижить, но и, наоборот, весьма способствует росту авторитета перед... — охотно включился Микловски в новую тему.

Женщина же, покинув кабриолет, величественно прошествовала (иначе не скажешь) к полицейским, которые уже достали свое оборудование и принялись за дело, и что-то негромко у них спросила. Более пожилой полицейский на мгновение оторвался от своего занятия и, разогнувшись, окинул оценивающим взглядом общую картину, после чего столь же тихо ответил. Женщина недовольно поджала губы, а затем развернулась и уже весьма решительным шагом двинулась к троице, переминающейся с ноги на ногу рядом с Porsche. Подойдя вплотную,

она снова что-то негромко спросила у одного из юношей, ожидавшего ее прибытия с крайне унылым видом. Тот что-то нехотя пробурчал в ответ, после чего... дама резко и почти без размаха влепила юному собеседнику мощную оплеуху. Весьма мощную... У парня аж голова дернулась. Да уж, судя по удару, ручка у ухоженной дамы оказалась весьма увесистая и, похоже, весьма тренированная. На прислуге наловчилась или на нерадивых работниках? Впрочем, у такой фрау работники вряд ли могли себе позволить долго оставаться нерадивыми...

— Эк как она, — удовлетворенно прокомментировал Микловски, отвлекаясь от спора, — уважаю.

— А я не вижу в этом поступке ничего заслуживающего уважения, — тут же заявил Штольц. — И вообще, я считаю, что столь открытое и публичное...

Алекс зло насупился и покосился на эту парочку. Да что ж они все никак не угомонятся-то! Между тем ухоженная дама снова развернулась и решительно подошла к женщине в платье с передником, все это время продолжавшей, подвывая, раскачиваться, обнимая детский трупик, и что-то тихо спросила уже у нее. Однако та никак не отреагировала на вопрос, продолжая все так же раскачиваться, уставив застывший взгляд куда-то в небытие. Дама с минуту подождала, потом, видимо, повторила вопрос, а затем, так и не дождавшись ответа, расстегнула висящий на ее руке небольшой, но стильный клатч и достала кошелек. Выудив из него несколько, судя по расцветке, довольно крупных купюр, она протянула их

женщине, которая, похоже, являлась матерью или близкой родственницей погибшего ребенка, а когда та вновь никак не отреагировала, властным жестом просто засунула их женщине прямо за кружевной воротник. Алекс невольно вздрогнул, потому что ее жест очень сильно напомнил ему жест Гюнтера Ауэрбах, гражданина первого класса в стриптиз-клубе «Веселая полячка». Именно таким, хозяйски-властным жестом он запихивал приблизительно такую же сумму за подвязку стриптизерши, исполнившей перед ним то, что в подобных заведениях деликатно именовали словосочетанием «публичный приватный танец»... Алекс сглотнул. Ну что за дурацкие ассоциации лезут в голову?! Здесь же случилась трагедия, а у него в голове воспоминания о стриптиз-клубе всплывают... Мадам же не стала дожидаться какой-либо реакции на свой поступок, а спокойно развернулась и двинулась к покоцанному Porsche. Подойдя к машине, фрау фон Белов распахнула водительскую дверь, наклонилась внутрь салона и все тем же, видимо, естественным для нее решительным движением выдернула ключи из замка зажигания, тут же спрятав их в клатч. После чего повернулась к юноше, на щеке которого уже начал наливаться красным отпечаток ее тяжелой ручки, и зло и громко объявила:

— Две недели без машины!

Парень, все это время переминающийся у своего авто, уныло свесив голову, в ответ на эти... м-м-м... жестокие слова возмущенно вскинулся и плаксиво закричал: